

«Война будет жить долго»: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти детей Победы

Марина Юрьевна Новицкая

(Независимый исследователь, г. Москва)

Аннотация. В статье поставлен вопрос о специфике связи поколений, родившихся в СССР и Российской Федерации за 80 лет, прошедших после Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; об особом значении для сохранения семейной и общенародной памяти о прошедшей войне так называемого поколения детей Победы, появившихся на свет в первые послевоенные 10–15 лет; о их роли в становлении и формах преемственности историко-культурной памяти последующих поколений советского и постсоветского общества с его драматическими катаклизмами. Уделено внимание оценке личности учителей, участи старших членов семьи, новых форм в появлении и фиксации устных и письменных автобиографических повествований о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Являясь одним из пластов современной несказочной прозы и привлекая в настоящее время профессиональное внимание специалистов разного профиля, детские воспоминания о переломных и драматических этапах в жизни общества могут стать источником для исследований историков, фольклористов, этнографов, социальных психологов и др.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., преемственность поколений, устные и письменные автобиографические повествования, современная несказочная проза, личная память, семейная память, народная культурно-историческая память.

Дата поступления статьи: 31 марта 2025 г.

Дата публикации: 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Новицкая М. Ю. «Война будет жить долго»: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти детей Победы // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 2. С. 31–43.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.002>

В каждом из тех, кто родился вскоре после 1945 г., нешумно, горько, свято живет тема «Война и Победа». Предшествующее им детское поколение по праву заслуженно получило статус «Дети вой-

ны», признанный на общественно-государственном уровне¹. А вот первое послевоенное поколение можно назвать детьми Победы. Эти дети давно уже сами стали бабушками и дедушками, но до сих

¹ «Дети войны». Общероссийская общественная организация. URL: <https://xn---dtbeeri2ag6a4g.xn--p1ai/> (дата обращения: 26.03.2025). Статью о воспоминаниях детей войны см.: Новицкая М. Ю. «Беда и победа» в воспоминаниях детей войны // Традиционная культура. 2015. № 3 (59). С. 34–48.

пор несут в душе обжигающие знаки войны. Казалось бы, повезло: их отцы и матери, перенеся суровые и горестные испытания, вернулись живыми с фронтов Великой Отечественной или завершили работу на трудовом фронте в тылу и дали детям Победы самое дорогое — жизнь. Дети их не были под бомбежками, войны не видели, сами лично не пережили тягот военных лет. Однако с раннего детства повсюду встречали следы войны, остро, болезненно их ощущали в повседневной жизни — дома, в школе, на улице. У одних отцы вернулись с войны инвалидами, многие из них страдали от болезней и вскоре умерли. У других родители во время войны потеряли своих старших детей. Многие дети учились в школе, где совсем недавно размещался госпиталь для раненых бойцов, где сами стены, воздух классов и коридоров словно еще хранили страдания, боль и стоны. Дети послевоенного поколения хорошо понимали, что такое война, знали, чего стоила Победа. И осознавали ее как великий подвиг народа.

Вот почему представляется важным фиксировать рассказы детей Победы, узнавших о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. не только из воспоминаний очевидцев — своих старших родственников, которые пережили войну непосредственно сами и которых остается все меньше и меньше. Они могут поделиться личными впечатлениями от восприятия следов войны в жизни страны на этапе первых послевоенных десятилетий. Дети Победы — то звено в цепи поколений, которое связывает живую историко-культурную память о военном времени, лично пережитом родителями и детьми Войны, с собственным личным эмоционально-ценностным переживанием ее последствий в послевоенное время, что дает возможность и далее исследовать глубину и формы семейной памяти, актуализированной в сознании уже следующих поколений, — ими являются внуки, правнуки и праправнуки Победы. Выстроенная таким образом цепочка личных воспоминаний помогает понять, что и как остается в памяти людей разных возрастов из семей-

ных рассказов, получить документальный материал, передающийся от одного поколения к другому и постепенно вливающийся в общенародную историческую память, обеспечивая тем самым историко-культурную преемственность разных поколений народов России.

Конкретным примером такой преемственности через ребенка Победы являются воспоминания, отразившиеся в школьных сочинениях Евгении Степановны Витальской (в девичестве Томащук; родилась 12 декабря 1949 г., г. Омск, инженер-строитель). Кратко рассмотрим, каковы особенности зарождения и существования этих текстов, их развития по мере взросления девочки и осмысления ею содержания своих воспоминаний на разных возрастных этапах. Сочинения в виде черновиков сохранились в архиве матери Е. С. Витальской, Надежды Ивановны Белоконь (1926–2010 гг., г. Омск; инженер-строитель). В течение жизни дочь раз за разом обращалась к черновикам и правила свои записи — настолько с детских лет ее волновала тема Великой Отечественной войны, тревожили ее зримые знаки и память о ней в повседневной действительности. Сначала правка делалась в 1960-е гг., затем потребовалось рассказать о войне, обновив записи для собственной дочери (Светлана Владиславовна Витальская, родилась 20 декабря 1979 г., г. Омск; экономист), а потом и для внуков (сестры Барковы: Анна (родилась 1 ноября 2009 г., г. Омск) и Анастасия (родилась 9 мая 2011 г., г. Омск)). Очевидно, каждый раз, под воздействием вновь нахлынувших воспоминаний, как под увеличительной линзой времени, все глубже становилось понимание смысла военного прошлого. В текст включались авторские комментарии, отрывки любимых с детства песен, радиопередач, цитирование поразивших воображение стихов и т. д. Это был не формальный отклик на дежурную праздничную акцию к запланированной в общественной жизни исторической дате. С увеличением жизненного опыта сознание было готово «вспыхнуть» в ответ на любое эмоциональное прикосновение к пора-

жившим в детстве впечатлениям от следов войны в далеком сибирском городе. Воспоминания о войне пронизывают ткань жизни Е. С. Витальской в ее движении от детства к юности, зрелости, преклонному возрасту... Сыграли свою роль и материнские воспоминания, которыми делилась с дочерью Н. И. Белоконов в последние годы жизни. Так, например, только после кончины матери Е. С. Витальская по достоинству оценила и записала рассказ «Зойка», хотя знала о его сюжете с детства.

Несколько благодарных слов следует сказать про образование послевоенных лет — это тоже ежедневный подвиг педагогов, способных поддержать и развить в ребенке творческие задатки. Прежде всего это первый учитель, который принял в 1-й класс детей, родившихся вопреки войне и благодаря Победе, бережно провел через первые, самые важные, школьные годы, научил их самому главному в жизни — ценить человеческие взаимоотношения. Незаменимыми помощниками учителей были добрые и мудрые книги отечественных писателей. Практически все дети Победы жадно и много читали. Старенькие, зачитанные, но аккуратно подлатанные библиотекарем книги исподволь, но прочно, на всю жизнь учили правильному красивому языку, умению излагать свои мысли и чувства, а главное — любить свою Родину. И наконец, еще один важный фактор. Следуя традиции военных лет, постоянно слушать радио (ждали, когда неповторимый голос Юрия Борисовича Левитана передаст сообщения Информбюро), советские люди и после войны дома не выключали репродуктор. Безукоризненно правильная, спокойная, интеллигентная речь дикторов от передачи к передаче вводила в мир великой культуры, и отечественной, и западноевропейской. Звучала удивительная по своей красоте и животворности музыка — камерная, симфоническая, оперная классика. Взрослые и дети с нетерпением ждали очередного выпуска программы «Театр у микрофона», ее слушали всей семьей, одновременно занимаясь домашними делами. Так в каждом уголке большой страны дети впитывали всю щедрость лексики,

правильность и интонационное богатство русской речи. Это были университеты на дому, вторая любимая школа, которая тоже давала свои плоды.

В семейном архиве Е. С. Витальской сохранилось домашнее сочинение, посвященное первой встрече девочки с первым учителем и восстановленное через год по памяти в 5-м классе. Попова Анастасия Федотовна, учитель начальных классов, предложила своим четвероклассникам по желанию участвовать в общешкольном конкурсе для 5–8-х классов на тему «Мое 1-е сентября». Сочинение Жени хранит грустные воспоминания о приметах послевоенного времени, болезни отца-фронтовика, о расставании с детством. И светлые — о встрече со школой и с первой учительницей. Это был 4 «А» класс, школа № 62 в Омске, 1961 г., март–апрель. Вот это сочинение.

Первое сентября (Один день из моей жизни)

День Первое сентября пришел неожиданно. Был детский выпускной утренник, были подарки: портфель, пенал и тетради. Были стихи и песни и обещания учиться на пятерки. Но праздник я плохо помню. Болел мой отец, и моя мать ходила нервная и злая. Она сутками находилась в больнице, и мы, дети, не знали, что смерть уже стучится в наши двери.

— Я хочу в школу, буду хорошо учиться, — эти детские обещания передавались в больницу, но были плохим лекарством. Я умела писать всего три слова: МАМА, ПАПА, МЫ ЗА МИР. Только букву «Р» писала в обратную сторону. Меня не поправляли, и от этого своего умения я гордилась. У меня не было школьной формы, ни платья, ни фартука, ни белого кружевного воротничка. Я пошла в белом платье, которое одевалось на детсадовские утренники. Зато были новые белые туфли на ремешке и с обтянутой кожей пуговицей. Туфли блестели и пахли праздником. Так и привела меня мама на школьный двор, маленькую, в белом платье, с портфелем в руках и атласной лентой на макушке.

Что открылось потом — потрясло меня. Деревянное рубленое двухэтажное здание источало торжественность и значимость. Пахло краской, стекла блестяли. Школьное крыльцо — образец ухоженности и солидности, покрыто ковром. Слышна музыка, игрались марши подшефным духовым оркестром. Школа нас встречала, школа уже нас любила!

Школьный двор переполнен. Отлично помню: в открытых воротах стояли, сидели на принесенных из квартир табуретках бабушки и дедушки — пришли смотреть на внуков. Были инвалиды при орденах на деревянных колясочках. Гостей было больше, чем первоклассников. Это был День Победы. Это был школьный День Победы!

Мама подвела меня к учительнице и ушла на работу. Эта драгоценная моя Анастасия Федотовна Попова — пятидесятилетняя Дама в длинном бархатном вишневом платье. Маленькие ручки, седые светлые уложенные в пучок волосы, серебряная брошь. Сколько в ней терпения, сколько в ней красоты! Она взяла меня за руку и так повела в класс. Мой 1-А, 1957 год.

Моя парта — четвертая в среднем ряду, место слева. Мальчик, который сидел рядом — Миша Барташевич, — достал из портфеля мел и сразу же поделил парту пополам. Я смотрела в окно и плохо слушала учительницу. Когда я устала, то повернулась в проход и выставила свои новые туфли, чтобы все увидели... И получила первое замечание. Но второе потрясение было ужасно: учительница спросила: «Кто умеет читать?», и половина класса подняла руки. Я поняла — к школе не готова.

Не помню больше ничего, помню усталость. Я плелась домой, волоча свой оранжевый портфель по земле, в портфеле брел деревянный пенал с единственным карандашом, под платьем холодил квартирный ключ на шнурке, я плакала.

Придя домой, убрав в коробку нарядные туфли, я подошла к окну. Из окна — вид: школьный сад, второй этаж с крышей моей школы. Ясно поняла — это был последний день моего беспечного Детства.

Но подумать не могла тогда — сколько интересных открытий ждет меня впереди...

В декабре 2014 г., бессонной ночью, Е. С. Витальская записала еще одно воспоминание о школе. А память всё не отпускала, и только 29 января 2015 г. запись была завершена. Детские догадки и фантазии об эвакуации человека из Ленинграда — тоже яркая примета времени и свидетельство актуального интереса детей, живущих в далеком сибирском тылу, к трагическим событиям войны, что важно само по себе... Как и особое бережное отношение детей к этому человеку.

Олюшка

Мы выкатываемся по ступеням школьного крыльца кубарем и прямо — в снег! Вот так прямо — в снег головой, голыми руками хватаем пригоршни пушистого холодного снега. Трем виски, глотаем — мы счастливы: закончился еще один школьный день факультативом по литературе. Как хорошо! Нам не хватает свежего морозного воздуха. Какой это сладкий январский снег. Снег особенно вкусен в детстве после школьных уроков. За спиной слышен лязг замочного засова — это баба Оля закрывает школу на ночь. Пора по домам...

Баба Оля — дебилая бабулька с головой, покрытой бессчетными платками, всегда укутанная, обутая в резиновые высокие калоши; работает в школе гардеробицей, кастеляншей, уборщицей и сторожем в одном лице за нищенскую зарплату и приют, что дает ей школа. У ней нет семьи, и работа в школе — это все, что у нее есть. Инертная до предела к детским шалостям, она послушно выдает мел и ключи. В ней нет настроения. Глаза всегда полузакрыты. Баба Оля округла, ниже среднего роста, в серо-синем линиялом халате и вязаных носках, ходит в этом и летом. Откуда она взялась — никто не знал. Говорят — она эвакуированная с Ленинграда. А может, придумано?

Она ночует под школьной лестницей на сундуке, ест в школьном буфете. Олю никто не обижает, и даже пацаны не лезут к ней под лестницу, не шарят в ее сундуке. Она — бесценный атрибут нашей школьной жизни, визитная карточка школы. И даже в дни приходящей комиссии из ГОРОНО ее никогда не прячут.

Баба Оля сидит в школе до последнего ученика в гардеробной на стуле, скрестив свои пухлые ручонки на коленях, дремлет, пуская пузыри. Мы тихонько пробираемся за барьерчик, берем свои пальтишки и тихо на цыпочках уходим, чтобы не разбудить. А если не удастся тихо и будим ее, то слышим самое гнусное ругательство из ее уст:

— Ууууу... фашисты, захватили школу, все учитесь-учитесь, выучиться не можете.

У нее есть имущество: старый кованный сундук и половичок-дорожка. Сундук стоит под второй лестницей, а половик она каждое утро стелет на школьное крыльцо, чтобы дети не разбили носы на обледенелых ступеньках. Каждый вечер после последнего ученика она убирает половичок, чистит его и... — к себе под лестницу рядом с сундуком. И так ежедневно. Баба Оля работала в войну, работает и после. Я восемь лет проучилась в родной школе № 62, все восемь лет поднималась по ступенькам Олиного половичка. Ну как тут не запишешь!

Баба Оля, Олюшка — неопределенного возраста. Наше старое Солнце. Ее детская Душа, наверно, давно отлетела, и ей там легко, не может быть иначе.

Другой сюжет, посвященный памяти о первом школьном учителе, словно вторая часть диптиха. В нем Е. С. Витальская вспоминает, как тяжело она и ее одноклассники расставались с любимой первой учительницей. Любопытна судьба и взаимная внутренняя связь двух сочинений, посвященных первому учителю. Сочинение «Первое сентября» куда-то делось. Но через полгода, под влиянием великолепного знания литературы и бережного отношения к детским литературным опытам новой учительницы, ставшей и классным руководителем, девочка поспешила по памяти его восстановить и, как оказалось, не напрасно. Потому что, словно переключаясь с темой встречи с первым учителем, в 5-м классе по инициативе классного руководителя возникла потребность описать и трогательное расставание с ним.

Мотылёк (фрагмент рассказа)

Наш класс расставался с начальной школой очень тяжело. Помню, ревели все, и Анастасия Федотовна, расстроившись, промокала слезы в своих морщинках платком, намотанным на указательный палец; долго протирали стекла очков:

— Не надо, дети, не надо так расставаться. У вас будет новая учительница, молодая, преподаватель литературы и русского языка. Она же будет классным руководителем. Она неплохой словесник, только что закончила институт. Не надо, дети, так расставаться.

Но мы ревели в голос... Помню, как Миша Киткин, самый находчивый мальчик в классе, предложил всем дружно остаться на второй год в четвертом:

— Нам не нужна молодая, нам нужна старая и на всю жизнь...

Учителя послевоенного времени держали высокую профессиональную планку. Наверное, поэтому поколение детей Победы так хорошо помнит своих первых — да и не только первых — учителей. Через десятилетия, уже в преклонном возрасте, многие вспоминают о школьном детстве с трепетом в душе. А хранящиеся в семейных архивах детские работы, даже черновики, со временем становятся важными документами уходящей эпохи. В данном случае это, по существу, особая форма самозаписи детских впечатлений о первых послевоенных годах в жизни страны.

К следующим записям воспоминаний Е. С. Витальская сделала примечание: «Сочинение не сохранилось, восстановлено по черновикам 1964 года мною уже в этом декабре (декабрь 2014 года). Стихи не мои, а Марины Цветаевой».

[Как я писала сочинение о войне]²

Вместо предисловия:

«Помогите найти Галиных родственников!» — эта фраза прозвучала в эфире одной из радиопередач Центрального радио «Ищу тебя». Была такая передача по

² Названия в квадратных скобках даны мной — М. Ю. Новицкая.

радио «Маяк», и шла она дважды в месяц по вторникам в 20 часов 20 минут.

Читала письма-просьбы известная детская писательница Агния Барто:

— Девочка Галя ищет своих родителей, родственников и даже соседей, и просто знакомых. Гале было 3 года, вывезена из Ленинграда эвакуэшелоном в 1942 вместе с другими детьми-ленинградцами. Ни фамилии, ни адреса девочка не помнит. Помнит только высокий синий забор и одно дерево, что видно из окна. Просим отозваться всех ныне живущих ленинградцев, у которых из окна виден похожий забор! Адрес детского дома — в редакции.

Не помню, какого года эта передача, но запомнила ее на всю жизнь.

Я, двенадцатилетняя, сижу на полу около радио, я обмираю...

Вот она, война... что тут прибавить.

Тема войны объявлена заранее, и опыт написания был, но чем старше становлюсь, тем сложнее писать о войне. Жил стереотип, привитый книгами, кино; никаких заготовок не имею. И я еду к любимой тетке:

— Тетя Аня, вспомни, как началась война? Нужно для сочинения. На тебя и твою память — вся надежда. У меня задумано начало: Так... 22 июня, по радио объявили. Вспоминай... — я буду записывать.

— О-о, это серьезно. Она подошла к окну, грустно посмотрела во двор, потом взор перевела на огород. Тетя Аня всегда была серьезна во всем, что касается школы, но сегодня вопрос застал ее врасплох. Она хмурится и вздыхает:

— Вспомнила: мы со Степой поливали морковь. Воду возили в бочке с озера!.. Давно это было...

— !!! Про морковь не пойдет...

Разочарованная на 50%, я еду домой, спрашиваю у мамы:

— Ты должна помнить, тебе четырнадцать было... как началась война?

— У нас была корова, Зойкой звали. Если бы не Зойка, подошли бы с голоду.

— Мама, про корову нельзя, не патриотично.

— Так Зойка в войну — это самое главное! Зойка — самая главная патриотка!

Я совсем сникла. Представила — завтра сдавать, а тут кроме Зойки и морковки, ничего нет. Иду к деду Ивану на Лагоду.³

— Дедуленька, миленький, родненький, вспомни, как началась война в твоей жизни? В этот день объявили по радио..., ну... вспоминай, как ты услышал?

Дед уже прибалывал и лежал в постели, он посмотрел на меня, как на взрослую:

— Не помню. Да..., кажется, собрали нас в депо, объявили военное положение. Этот день не помню. Дружочек, ты сама придумай что-нибудь, ты же можешь.

Брела домой вечером. Пинала по дороге камешек, придумать ничего не могла: ни капельки, ни картиночки... Незаметно подошла к железнодорожным путям, что у депо-сортировочная. Горели прожектора на территории депо. Я карабкаюсь на высокий мост через пути, смотрю по сторонам и вниз...

Голова до прелести пуста,

Потому что сердце слишком полно.

Дни мои, как маленькие волны,

На которые гляжу с моста...

Слева завод, где делались танки и ночью грузились на платформы, лязг, луч прожектора. А там — были бараки эвакуированных, а прямо — будка-теплушка обходчика. Сейчас барачков нет, танков нет. Спросить не у кого. В понедельник Р. Ф. (Раиса Федоровна) будет делать разбор сочинений по теме. У меня — ноль! Внутри меня работает какой-то фильтр. Война была рядом, но не со мной, и генетическая память предательски молчит. Все против, все не за меня.

А ночью... — ну конечно, как смогла я забыть солдата-инвалида без ног, что жил в соседнем вохровском доме-общежитии!

³ Название одной из улиц Омска по имени пулеметчика Семена Лагоды, погибшего в бою с японскими диверсантами на государственной границе в 1936 г. (Лики подвига: на рубеже родной земли. О Семене Федоровиче Лагоде. URL: <http://veteran-129-div.ru/lagoda2.pdf> (дата обращения: 26.03.2025). — М. Н.)

ВОЙНА

«Что ты наделала война...»
(Из репертуара детского хора
Центрального радио и телевидения
под управлением В. Попова)

Он жил в соседнем доме, инвалид Великой Отечественной, солдат-герой. Ветеранами их еще тогда не называли, просто — солдат войны. В доме — два подъезда. Его подъезд — это коммуналка с общей кухней и коридором. Каждое утро он выкатывался и катился к заводским проходным. Там дважды в месяц в дни аванса и зарплаты он продавал свои сшитые комнатные тапочки. А в остальные дни — его постоянное место — около библиотеки. На тротуаре — газетка (без портретов вождей, конечно), рядочками стоят тапочки разных размеров и... стакан семечек.

— Мужчина, купите девочке семечек.

А вечером он катил к себе домой по тротуару вдоль железнодорожной больницы знакомой дорогой. Его все знали. Бывало, после смены вываливает толпа народу из проходной завода, а впереди — пробка. Что такое, кто мешает пройти!? Это наши сосед «переходит» дорогу и никто не обгоняет, не матерится. Ждут, уступают. Какое удивительное время было. Мешает движению, а все ждут и уступают...

Я тихонько иду за ним. Тихонько, чтобы не заметил. Он звякает деревянными брусочками, что в руках. Звяк-звяк, скрип-скрип, звяк-звяк... Звяк-звяк — это его колесики, бряк-бряк — это ордена на его груди. Вот и двор, вот и дом. Он сползает с каталки и подтягивается на ступеньку крыльца. Звяк-звяк... Быстро ползет по лестнице наверх. Соседский мальчишка поднимает его каталку...

9 Мая. Коммуналка накрывает столы прямо во дворе. На столе картошка в мундирах, самогон, селедка. За день Победы! Товарищи-соседи, мы победили! И пошла кружка по кругу, ура Победе! Кто без руки, кто без ноги, кто без обеих ног. И все за одним столом, ничего, что на столе пусто, главное — мы победили. Появилась гармошка и, уже в сумерках, полилось — «Вьется в тесной печурке огонь...». Наши хмельной солдат рассказывает одну и ту же историю который год: про оборону, про медсестру, что вынесла с поля боя. Мне

пять-шесть лет, я еще ничего не понимаю, вместе с детворой виснем на его культах, на плечах, спине и шее и смотрим-смотрим во все глаза. И нет чувства брезгливости. Солдат берет гармонь и поет «Катюшу». Тут меня что-то толкает, я начинаю танцевать. Танцую и плачу. Взрослые встают в круг и хлопают в такт.

— Чья это, чья?

— Это Надежды Ивановны дочь.

Мама видит из окна, выбегает, хватается, волочет в дом.

— Ты с ума сошла! Что за представления устраиваешь? Завтра вся ТЭЦ говорить будет!

А через полгода, осенью вынесли нашего солдата в маленьком квадратном гробике.

Говорят, «талант». Этого слова я не понимаю. По-моему, вместо таланта есть состояние психики. Кто-то чувствует острее, кто-то нет, но все, абсолютно все воспринимают. Особенно дети, особенно маленькие. Все, абсолютно все. Мы одинаковые во многом, с одной только разницей: одни сытые, другие голодные. Голодные чувствуют острее.

[«Говорит Москва...»]

Маршрут автобуса № 4 «ДК Лобкова — Ул. Гуртьева» (он и сейчас существует). Автобус полон народу, а на переднем сидении — седой солдат лет 30–40, медали висят прямо на рубашке. Это местный Дурачок, контуженый он. Автобус трогается, он во весь голос:

— Говорит Москва. Граждане и гражданки Советского Союза, сегодня... встанем, как один, на защиту нашей Родины.

Люди пугаются, ежатся, неужели опять война? А он уже запекает: «Вставай, страна огромная...» И так всю дорогу. Песни знает все до последнего куплета. Вот повернули на улицу Марьяновскую, Солдат продолжает:

— Сегодня — 24 февраля наши войска прорвали линию обороны противника...

И никто не хихикнул; отворачиваясь к окну, кто-то вытирает слезы, кто-то кусает губы... При выходе ему подают. Кондукторша ворчит:

— Все, не могу больше работать, всю смену со мной ездит, буду проситься на другой марширут.

Мы — дети послевоенного времени, «счастливое поколение, не знавшее войны». Какой журналист придумал эту глупость, когда война живет в каждом из нас, война — рядом в твоём доме, едет в одном с тобой автобусе. Война будет жить долго.

Всю ночь я писала, а наутро с опухшими глазами пошла в школу. Сюрпризов я не ждала, сдавать сочинение не хотела. Не созрело оно во мне, впервые наспех, впервые так смело... Сдала, а когда получила — оценки нет, только «см». Прихожу к тетке:

— Замучилась я совсем. Хочешь, прочту, как Р. Ф. будет меня аттестовать по одним «СМ»?

Анна читает и пугается:

— Ну ты даешь, да за это — срок! За одно только «звяк-звяк, бряк-бряк» — сесть можно!

— Так серьезно?

— Конечно, учителя и директора школы садят... Женя, ты в журналистику не иди... целее будешь.

Моя родная тетя Аня — Томащук Анна Яковлевна, 1927 года рождения. Мой цензор, моя совесть. Она дала мне максимум образования из того минимума, что меня окружало. Вместе с семьей: отцом, матерью, бабушкой и старшим братом — моим отцом, она приехала в 1935 году на вольное поселение в Омск. Мои Томащуки — переселенцы с Украины, уроженцы села Радовцы, что под Жмеринкой. Здесь (в Омске) Анна и Степан закончили семилетку, техникум, институт. На удивление образованные и интеллигентные люди — Анна и Степан, Христина, Софья и Яков. В 1968 году Анна с приемной дочерью и отцом — моим дедом Яковом Семеновичем возвращаются на Украину. Там она работает на заводе технологом в г. Хмельницкий. Там же она умирает в 2005 году в канун Дня Победы. Анна никогда не была замужем. **Ее жених не вернулся с войны — они даже не были знакомы...**

Следующая запись Е. С. Витальской — это воспоминание о войне ее матери Надежды Ивановны Белоконь, а затем — беседа матери с дочерью.

Зойка

Это случилось в год 1942, а может в сорок третий. Омск прожил вторую суровую военную зиму. Было голодно. Наши хозяйство — несколько кур, кабанчик да корова Зойка; съели почти все корнеплоды и картошку. Мама (Евдокия Егоровна Белоконь. — М. Н.) запаривала пшено с молодой крапивой и давала курам. И это было хорошо! Но куры нагло залезали на завалянку и клевали в окна, смотря поочередно то одним, то другим глазом; с любопытством заглядывали в нашу девичью спальню и гадили — гадили-гадили-гадили на стекла...

Стоял апрель 1942 года, первая по-настоящему голодная весна. В конце нашей улицы, за березовой рощей был барачный поселок эвакуированных со своей школой и магазином. А в конце улиц Правды и Харьковской — овраг со свалкой, пастбищем и бузиной! Летом здесь паслись немногочисленные коровы и ...дети. Дети объедались бузиной, и слаще ягоды не было...

Пропала корова... Пропала корова, и наша мать металась по дому, орала и причитала. Досталось всем, особенно старшим дочерям — Вере и Наде, но больше всех — Гитлеру!

— Идите, ищите и без коровы не возвращайтесь!!!

И мы пошли по поселку, крича: «Зоинька, Зоюшка, где ты?»

Было тихо, мы дошли до железнодорожных путей, забрались на насыпь и стали разглядывать сверху дома и дворы: а вдруг увидим, а вдруг замычит... Темнело, надо возвращаться домой, но возвращаться страшно. Когда совсем стемнело и над заводом закружились лучи прожекторов, поселок погрузился во тьму — на ночь отключали электроэнергию. Именно в эти часы находиться около дороги становилось небезопасным. И вдоль путей ходит военный патруль. И мы побрели домой...

Наш дом во тьме, скудно теплилась керосинка на кухне, свеча и лампадка

под иконой. Только в темноту смотрели спокойные глаза Николы Чудотворца... Мать лежала на четвереньках, уткнувшись лбом в пол под иконой. И не было у нее сил ни молиться, ни каяться... Большое горе от потери кормилицы, пропала корова, что может быть горше!

Отлупленные, отруганные и голодные, мы с Верой прошемыгнули в постель, но уснуть не могли, молча смотрели в темноту.

Вдруг еле слышно что-то корябнуло в наши ставни. Враз, как по команде, мы соскочили и, босые с фонариком, бросились на улицу. Там между Андриюшкевича забором и стеной нашего дома, в проходе не более метра, раскорячась поперек и уткнувшись рогами в окно, в луже молока, мычала корова...

— Зоюшка, милушка моя горемычная! Да как же тебя занесло?!!

Нам с Верой дали по кружке парного молока, и мы, свернувшись калачиком, обнявшись, вскоре уснули...

И долго по дому разливалась Дунина благодарная молитва, и до утра горела СВЕЧА.

2007 (?) г., г. Омск.

— Мама, почему ты не рассказала эту историю мне раньше? Я бы написала сочинение в школу на тему «Война». Славное получилось бы сочинение.

— Я и не думала, что путнее выйдет!

— Что ты, что ты! Только из таких детских воспоминаний произрастают самые замечательные сочинения...

— Да, может ты и права...

— Мама, ты могла бы написать сама такое сочинение в школу или техникум и назвать его МОЛИТВА.

— Нет-нет, нельзя так писать. Темой могло быть только ударный труд в тылу и Сталин... А знаешь: в этом есть что-то мистическое.

Мы ведь с Верой в ту ночь впервые поверили в Бога...

— Жаль, жаль... Очень жаль... Я бы написала про корову.

Вкусное получилось бы сочинение... как кружка парного молока...

Примечание Е. С. Витальской, написанное для своей двоюродной сестры, до-

чери тети Веры, родной сестры Надежды Ивановны Белоконов:

— Это, как ты поняла, диалог. Я специально не ввожу слова автора. И так все понятно. Это диалог мой и мамы. Разговор состоялся где-то в году 2007–2009. Тем более, ты как-то просила написать о Наде. Усопшей я ее не вижу. Моя мама постоянно рядом, помогает найти пропавшие вещи. Особенно любит быть со мною рядом в саду, суется, радуется. Я знаю: она Там, со Степаном — мне был Сон...

Вера упокоена, и мне не снится. Знает, все Души покойны.

Нам — добрая память о них, а им — Божья Радунница...

2009(?)г — 2017, г. Омск

Многие, кто сам пережил войну, не любили о ней вспоминать и рассказывать. Слишком это было тяжело, а иногда даже опасно. Об этом свидетельствует реакция Анны Яковлевны Томашук на сочинение о войне ее племянницы. Мать рассказывала дочери о кормилице Зойке только в старости, да и сама Евгения Степановна Витальская лишь на склоне лет оценила глубокий смысл материнского воспоминания, хотя в 60-е годы та порывалась рассказать о Зойке-патриотке, но тогда девочка отвергла такой сюжет: «корова — не патриотично».

Воспоминаний о боевом пути отца-фронтовика, Степана Яковлевича Томашука (1925–1957 гг.), Е. С. Витальская от него сама не слыхала, пока он был жив. «В письмах он писал о встрече на Эльбе с американцами. И про Рейхстаг писал. И даже расписался на стене. Это со слов мамы. Помню, как-то ночью он делился с ней воспоминаниями. Именно это я отчетливо помню. Рассказывал. Я, притворившись спящей, подслушивала... В его рассказе было столько незнакомых слов...»

Пришло время рассказывать о прадедушке-фронтовике его правнучкам. Многолетний опыт работы автора статьи с учителями, детьми и родителями убеждает в том, что и сейчас активизация памяти военных и послевоенных поколений чаще всего происходит по инициативе учебных

заведений. Члены семьи уже используют новые технологии, прибегают к помощи Интернета, обращаясь к сайту Министерства обороны России, рассматривают в семейном архиве фотографии и фронтовые награды своих героев, вместе обсуждают, что и как разместить в проектной работе, предназначенной для объявленного конкурса, для шествия «Бессмертного полка», для участия в праздничном концерте к Девятому мая. Так произошло и в сотрудничестве поколений семьи Витальских — Барковых.

Память поколения правнучек постепенно складывается в процессе оформления Газеты для школьного конкурса, посвященного Дню Победы. Девочки вместе с бабушкой подобрали документы из семейного архива, фотографии праде-

да и прабабушки, фронтовую открытку, составили текст, опираясь на рассказы мамы и бабушки Жени. Мама, Светлана Владиславовна Витальская, внучка Степана Томащука и Надежды Белоконь, набрала текст на компьютере, сканировала семейные документы. Да, всё по-иному у современных детей XXI века. Но если бы к ним пришел фольклорист, поставивший перед собой задачу изучать глубину и степень преемственности семейной историко-культурной памяти, он не ушел бы от девочек без ответа на свои вопросы, а в их коротеньких сочинениях услышал бы отзвук воспоминаний прабабушки и бабушки.

Вот что получилось в результате сотрудничества трех поколений:

Томащук Степан

Лейтенант 79 стрелкового корпуса
25 стрелкового полка 71 стрелковой дивизии
3 Ударной армии 1 Белорусского фронта

Он ушел на фронт в октябре 1944 года, сразу же после окончания ремесленного училища и срочных курсов в Омском пехотном училище им. Фрунзе. Сразу попадает на формирование 1 Белорусского фронта. Ему в конце сентября исполнилось девятнадцать лет.

Младший лейтенант, мой прадед участвовал в Висло-Одерской операции. С боями освобождал Польшу, Чехословакию, Австрию. За успешное прохождение маршброска и форсирование реки Одер был награжден орденом Александра Невского.

В составе своей 71 стрелковой дивизии освобождал Варшаву, Прагу, Вену и Берлин. По реке Шпрее по северо-западному направлению прорвался в пригород Берлина, а затем — к Рейхстагу. Это в его полку воевали Егоров и Кантария, водрузившие знамя Победы на куполе Рейхстага.

Но героями были все. Все расписались на стенах Рейхстага, расписался и Степан.

Это фото сделано в конце апреля 1945 года перед штурмом. В этот день он стал коммунистом.

В семье хранятся его фронтовые письма. Их сберегла моя прабабушка Надя, а теперь и бабушка Женя хранит семейный архив. Мне письма еще не читали, но я знаю — они про любовь и будущую Победу.

*Баркова Аня,
г. Омск, школа № 162, 4 класс.*

«Уходят солдаты, а с нами остаются их ордена и ...дети.

И еще остается Память — самое золотое и благодарное чувство»

Завтра на фронт

Мой прадед Степан со своей мамой Христиной
и сестрой Аней.
17 октября 1944 года. Омск

Открытка из Германии

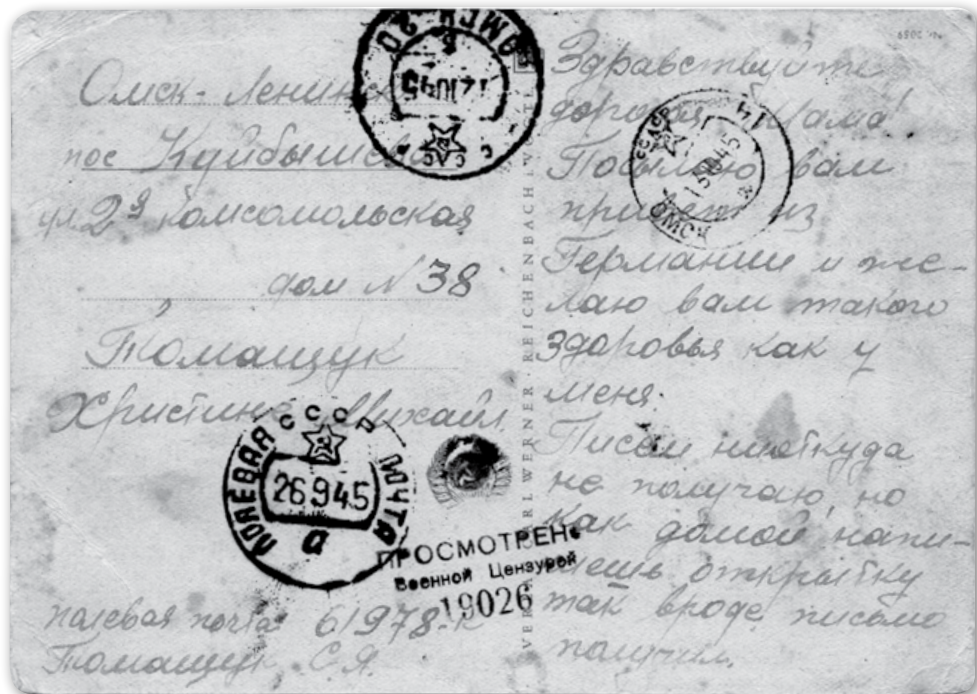
Отправлена 26 сентября 1945 года:

Томашук Христине Михайловне
Здравствуйте, дорогая мама! Посылаю Вам при-
вет из Германии и желаю Вам такого здоровья,
как у меня. Писем ниоткуда не получаю. Но как
домой напишешь открытку, так вроде письмо
получил.

Штамп: Просмотрено военной цензурой.

Полевая почта 61978-к

Томашук С. Я.

Прабабушка Надя. Усталые глаза, су-
хонькие, тоненькие ручки. Она оставила
нас в 2010 году. Десятую Победу мы без
нее. Без прадеда Степана — 62 года.

Я родилась 9 мая! Не знаю, как меня уго-
раздило родиться в такой великий День?
Родилась ... и всё.

Мечтаю, что говорю с прабабушкой:
— Баба, расскажи про войну!
— Мне было 15 лет, когда началась
война... Учились днем, после занятий шли
чистить железнодорожные пути, а еще,
помню, по ночам дежурили в госпита-
ле санитарками. Тяжело было, хотелось

Моя прабабушка
Надежда Ивановна Белоконов
с орденом Александра Невского

*есть и спать. Помню, в нашей семье ко-
рова была, Зойкой звали. Вот если бы не
Зойка, померли бы с голоду.*

*Баркова Настя, г. Омск,
школа 162, 2 класс*

Публикацию текстов устно-письменной мемуаристики, записанных от прабабушки, бабушки и внучек, а также небольшой опыт исследования проблемы преемственности историко-культурной памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на примере знакомства с воспоминаниями, сохранившимися в семье, живущей уже на протяжении нескольких поколений в западносибирском г. Омске, завершим фрагментом из письма Е. С. Витальской (2021 г.):

«28 сентября отцу моему Томащуку Степану исполнилось 96 лет.

Написать о нем надо, да ничего не помню. Раньше помнила и образ, и голос, и глаза. Позже эти воспоминания поистёрлись. Теперь помню только свои детские воспоминания о нем. Интересное время выпало ему. Его сестра Анна рассказывала о жизни на Украине, о голоде 1932–33 годов, о коллективизации. Коллективизация была тяжелой — никто не шел в колхоз. И всему

этому был свидетелем Отец. Но рассказать не успел. Все, что я знаю о Степане, это рассказы Анны.

Природа дала ему столько способностей и даров! Их бы хватило на несколько поколений Томащуків. Профессию он выбрал техническую, учился на круглые пятерки по всем предметам без исключения. Степан — не военный человек. Его фронтовые письма моей матери — это не хроники военного офицера. Со всем не военный, абсолютно не военный.

Странно, как устроена человеческая психика. Я с детства боялась кладбищ. Подхожу к могиле, а меня трясет. Кажется, Степан все видит, все слышит. Боюсь смотреть на его могилу, бежать хотела от кладбища. Позже могла сидеть, рассматривать памятник, его фотографию. Читаю с интересом его письма, не боюсь. А вот последние годы подхожу к могиле и удивляюсь — с каждым годом Степан на фотографии все моложе и моложе. Вот парадокс времени».

Дети Победы — то звено, которое сохраняет эхо войны в личной живой памяти, тем самым связывая военные поколения и поколения мирного времени. Через семейную память и новые формы ее актуализации потомки детей Победы постепенно овладевают способностью полноценно ощущать себя в непрерывном потоке российского культурно-исторического пространства и времени. Доказательством тому служит краткая, но емкая оценка С. В. Витальской воспоминаний своей матери: *«Чем старше становлюсь, тем острее воспринимаю твои детские сочинения, мама...».*

Думается, что смешанная устно-письменная форма автобиографических повествований о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и о памяти, сохраняющейся о ней в наше напряженное время, чреватое военными конфликтами, может привлечь профессиональное внимание фольклористов — как один из интереснейших и важнейших пластов современной несказочной прозы, способствующий культурно-исторической преемственности поколений в жизни Российской Федерации.

© М. Ю. Новицкая, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Новицкая М. Ю.

Кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Москва;
e-mail: rafael.sarkisyan@mail.ru

“The War Will Live for a Long Time”: The Great Patriotic War of 1941–1945 in the Memory of the “Children of Victory”

Marina Yu. Novitskaya

(Independent researcher, Moscow, Russian Federation)

Summary. *The article addresses the uniqueness of the generational links among those born in the USSR and in the Russian Federation over the 80 years since the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. It highlights the vital importance, for preserving both family and nationwide memory of the war, of the so-called “children of Victory,” who came into the world in the first 10–15 years after the war. Their role is examined in the formation and various forms of continuity of the historical and cultural memory of subsequent Soviet and post-Soviet generations, which have lived through dramatic upheavals. Attention is given to the assessment of teachers’ personalities, the involvement of older family members, and new forms that foster and document oral and written autobiographical narratives about the Great Patriotic War of 1941–1945. As one of the layers of contemporary non-folklore prose, these childhood recollections of turbulent and pivotal periods in society’s life are now attracting the professional interest of specialists from various fields. They may prove valuable as a source for researchers — historians, folklorists, ethnographers, social psychologists, and others.*

Key words: *Great Patriotic War of 1941–1945, generational continuity, oral and written autobiographical narratives, contemporary non-folklore prose, personal memory, family memory, national cultural and historical memory.*

Received: March 31, 2025.

Date of publication: June 25, 2025.

For citation: Novitskaya M. Yu. “The War Will Live for a Long Time”: The Great Patriotic War of 1941–1945 in the Memory of the “Children of Victory”. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 31–43. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.002>

© M. Yu. Novitskaya, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Marina Yu. Novitskaya

E-mail: rafael.sarkisyan@mail.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

Moscow, Russian Federation

PhD in Philology, Independent Researcher

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)